

Российский выбор: сделан, отсрочен, отменен?

М.В. Ильин

Ильин Михаил Васильевич, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой сравнительной политологии МГИМО (У), главный редактор журнала “Полис”.

Вопрос о “выборе России” по-прежнему остается одним из самых обсуждаемых и среди политиков, и среди политологов. Об этом свидетельствует и общее название предстоящего III Всероссийского конгресса политологов — “Выборы в России и российский выбор”. Да и название статьи “украдено” мною у моего друга и коллеги А.Ю.Мельвиля, который предложил обсудить данный вопрос в рамках одного из межсекционных заседаний конгресса. Мне уже доводилось писать о смысле метафоры выбора вообще и выбора пути, в частности [Ильин 1994а, 1994б, 1994в, 1995]. На этот раз я хотел бы остановиться на некоторых моментах дискуссии, развернувшейся на страницах нашего журнала в связи с конгрессом и его основной темой.

Самым непосредственным образом к данной проблематике обращается Ю.А.Красин, избравший исходной посылкой своих рассуждений категорию антиномичности. Эта категория “указывает на особый тип противоречия, где каждая из противоположностей имеет одинаково прочное базовое основание в реальности”, что ведет “к возникновению дилемм, не поддающихся снятию в результате единожды сделанного выбора”, т.е. “дилемма вновь воспроизводится, требуя постоянного подтверждения выбора” [Красин 2003: 125]. Далее исследователь сосредоточивает внимание на России, связывая проблемы ее политического развития, в т.ч. и на нынешнем “крутом вираже истории”, именно с антиномичностью. Красивый и вполне оправданный ход. Однако при этом невольно ускользают из виду два обстоятельства. Первое: антиномичность — не роковое несчастье России, как, доверившись Н.А.Бердяеву, полагает Красин [1], но фундаментальный способ овладения противоречием, характерный для Модерна. Недаром И.Кант сделал его логической основой первой систематической философии Современности. Второе: выбор в политике и политологии — не абстрактная и потому безусловная категория, как в философии или логике, а действие, которое всегда соотносится с контекстом и в его рамках обретает свой масштаб и прочие качественные характеристики.

Учет этих двух обстоятельств заставляет меня сделать выводы, которые расходятся с заключениями Красина, хотя я полностью разделяю его моральные, идейные и даже многие политические установки, признаю основательность доводов и логических построений. Речь идет о завершающем статью призыве “решить указанную антиномию в пользу демократии” [Красин 2003: 133]. Рискну утверждать, что такое решение приведет к результатам, прямо противоположным тем, которых жаждет Красин. Вновь все закончится крахом или зайдет в тупик, как это случилось после прошлого “судьбоносного выбора” 1991 — 1993 гг. Подобный “тотальный” выбор (в противовес множеству контекстно обусловленных решений-выборов) ничего кроме воспроизведения антиномии в самом примитивном виде и отката назад не способен дать в принципе. Современная демократия возможна только как результат “бифуркационного застоя” и создания такой конфигурации институтов, которая позволит использовать потенциал каждой из сторон антиномии и купировать неизбежные издержки.

Поясню это на примере. Известно, что “представительство не было изобретено демократами, а развилось как средневековый институт монархического и аристократического правления” [Dahl 1989: 29] [2]. Вполне справедливо считалось, что представительство в корне противоречит прямому участию в принятии решений, т.е. собственно демократии, являясь ее логической антитезой. И действительно, авторитаризм (по Красину) в своей логике есть последовательное проведение принципа представительства, делегирования власти авторитету, т.е. отчуждения ее у множества и передачи немногим или даже одному лицу. В пределе — это самодержавие (по Пивоварову и Фурсову), предполагающее лишение всех и каждого субъектности в пользу единственного актора-самодержца.

Примиришь представительство с демократией при условии их отдельности и самостоятельности невозможно ни логически, ни практически. Однако признание антиномии — прямое и равное участие versus делегирование власти авторитету — сразу меняет дело. Антиномия требует не выбора, но смирения с сосуществованием взаимоисключающих альтернатив. “Бифуркационный застой” позволяет отказаться от “судьбоносного выбора” и, избавившись от бесконечного состязания “или — или”, перейти к формуле “и — и”. Не одно вместо другого, а одно вместе с другим. Не нужно более стремиться к полному участию или столь же полному самодержавию — можно удовлетвориться долей “демократии” (участия) при “авторитарном” (централизованном и самостоятельном) проведении политики государственной властью и долей “авторитаризма” (самостоятельного осуществления власти) при “демократическом” (внешнем и всеобщем) контроле над государственной властью, при ее подотчетности гражданам. Именно когда приходится “объединять несоединимое”, и появляется представительная демократия.

В конечном счете приятие антиномий современного бытия дает возможность уйти от революции со связанными с нею потрясениями и подменить ее мелкими выборами-предпочтениями. Что такое нынешние соревновательные выборы, как не искусственные и дозированные “революции”, позволяющие избежать революций настоящих? Тяга к “судьбоносному выбору” — признак несовременности. Это отнюдь не какой-то российский рок, но всеобщее искушение, испытать которое в период раннего Модерна пришлось и Западу [3]. “Антиреволюционные революции 1989 — 1991 гг.” [Саква 1998] — это свидетельства того, что общий уровень модернизации, ее переход в стадию глобализации облегчает приятие антиномий современной жизни.

Подобно антиномичному соединению простой и потому “идеальной” демократии с “идеальным” авторитаризмом в едином комплексе представительной демократии, современное гражданское общество противоречиво сочетает в себе идеальную правовую однородность политического пространства с бесконечным его дроблением на гражданские инициативы и группы интересов. Да и сами права человека есть не что иное, как древние привилегии, распространенные на всех. При этом привилегии (как фактические, так и закрепленные юридически) сохраняются и лелеются, ибо они — то самое лоно, где вызревают специфические права, которые можно сделать общим достоянием. (Меня, признаюсь, всегда удивляла бездумная и по сути плебейская страсть к “отмене” привилегий вместо либерального “распространения” их на всех. Как тут не вспомнить о столкновении двух утопий: одна подразумевает отсутствие богатых, другая — бедных.)

Аналогичным образом современные многосоставные политии соединяют “чистый” унитаризм с “чистым” федерированием в бесчисленных комбинациях антиномичного по природе федеративного устройства. Слова, которыми приходится пользоваться, нередко обманывают. Это касается не только демократии, гражданского общества, но и федерализма. Отечественные апологеты “симметричного федерализма” должны были бы признать знаменитых американских федералистов, авторов “Федералистских записок” А.Гамильтона, Дж.Мэдисона, Дж.Джея и их соратников самыми настоящими “унитаристами”, выступающими за сильное централизованное государство, а антифедералистов счесть своими единомышленниками. Однако на деле федеративная конституция и практика США стали результатом компромисса и антиномичной комбинации двух разных начал политической организации.

Установка на осуществление “выбора”, на достижение одной из альтернатив ведет к тому, что результат оказывается прямо противоположен задуманному. Многие исследователи отмечают разрыв между декларируемыми целями реформ и их итогами. “Почему же освобожденные от уз ‘передовики капиталистической конкуренции’ предпочли построить криминальный капитализм, а не цивилизованное общество на основе демократии и рыночной экономики? — вопрошают в публикуемой в данном номере статье В.А. и А.В.Кулинченко. — Почему вместо современных организаций и институтов гражданского общества у нас постоянно воссоздается что угодно: кланы, касты, системы вассалитета и клиентелизма?” [Кулинченко, Кулинченко 2003]. В чем-то сходными вопросами задается и И.К.Пантин, сопоставляя мощное выступление защитников Белого дома в августе 1991 г. и крохотную манифестацию в августе 2002 г.: “Что же произошло с народом России за это десятилетие? Почему демократический прорыв не дал ожидаемых результатов, хотя и вызвал к жизни глубокие изменения общественных отношений? В силу каких причин наследниками и душеприказчиками демократов первой волны оказались люди, не имеющие ничего общего с идеалами демократии и справедливости, с устремлениями к свободе, одушевлявшими первое поколение борцов? На какие непреодолимые препятствия натолкнулась демократия в России, разбившая тесные рамки коммунистического режима?” [Пантин 2003: 136].

Думаю, что объяснение следует искать не в гегелевской “хитрости истории” и, тем более, не в чьих-то персональных или партийных просчетах. Дело, на мой взгляд, в нашем собственном пристрастии к “высшей и действительной правде”. Пусть даже провозглашаемые идеалы формулируются самым “передовым” образом, само стремление достичь их сразу, во всей полноте и чистоте чуждо духу Современности. В содержательном плане это отбрасывает нас к эсхатологическим мечтаниям о торжестве Царства Божия на земле и т.п., а в плане прагматическом — к утопическому навязыванию себе формальных схем организации, которые не подходят для осуществления современной политики.

Простое повторение школьных формул, а также имитирование самых замечательных результатов демократизации заведомо бесперспективно. Необходимо критическое переосмысление опыта мирового и отечественного развития. Как справедливо отмечает И.К.Пантин, “неудача демократии в принятых ею тогда [т.е. в начале 1990-х годов — М.И.] формах отнюдь не опровергает необходимость демократизации как таковой и, главное, не снимает потребность в демократической рефлексии. Скорее наоборот. Правда, сегодня нужна уже не ‘вторая волна’, а формирование подлинного мировоззрения и подлинного движения, для которого свобода и демократия будут не маскировкой своекорыстных вождельных групп и кланов, а действительным содержанием борьбы” [Пантин 2003: 137].

С этой формулировкой трудно не согласиться, хотя акцентированное автором противопоставление подлинности и неподлинности, действительности и мнимости требует уточнения. У многих наших сограждан такое противопоставление может ассоциироваться с тезисом о наличии “настоящей” (единственной и полной) правды, затемняемой всякого рода подделками, обманами, имитациями. Подобное видение невольно подталкивает нас к традиционному, несовременному образу мысли. Иначе интерпретирует ситуацию сам Пантин: согласно его установкам, подлинно современное мышление и действительно современная практика предполагают критическую рефлексию, а значит — постоянное преодоление самих себя. Добавлю: и трактовку современной демократии как антиномического единства принципов демократического участия и авторитетного делегирования власти, а гражданского общества — как антиномического соединения однородного правового пространства с многообразным выражением интересов, в т.ч. корпоративных, общинных и т.п.

Одно из проявлений несовременности состоит в прямолинейном навязывании политической науке (а вместе с ней — и политике) идеальных, как правило идеологических, императивов. Именно здесь истоки обоснованно критикуемого В.А. и А.В.Кулинченко феномена Бжезинского [4], заключающегося в разрушении диалектики Модерна предвзятым подходом к действительности. Результатом оказывается не только тенденциозность анализа и выхолащивание научности, что беспокоит многих коллег [см., напр. Гуторов 2002; Чернышев 2002], но и демодернизация политики [Ильин 1999].

Антиномичное соединение разнонаправленных начал позволяет также конструктивно разрешить проблему части и целого, о которой пишут В.А. и А.В.Кулинченко. Дело не в том, что “важнее”, а во взаимной, но несимметричной обусловленности. Подобный взгляд дает возможность увидеть диалектику демократии как принципа и как практики, предполагающей одновременное использование антидемократического принципа наделения властью авторитета. В такой ситуации принципиально важно различать “воображаемые апельсины” и “настоящие яблоки” [5]. Это особенно актуально, если учесть, что одним словом демократия или федерация обозначаются и воображаемые “части”, и действительные “целостности”.

Проблема становится еще на порядок сложнее, когда мы сталкиваемся с необходимостью перевода слов (и концептов) из одной понятийно-языковой и культурной системы в другую. Замечательный пример возникающих при этом сбоев невольно приводят В.А. и А.В.Кулинченко, цитируя десятый федералистский памфлет Дж.Мэдисона. Тот по-английски писал о факциях (factions), которые по-русски прочитались как крамолы. Конечно, у русского и английского словопонятий [6] есть общий момент — борьба, стремление к победе, ожесточенное соперничество и т.п. Но русская крамола отнюдь не предполагает высокой организованности и дисциплинированности, целенаправленности, методичности и эффективности. Соответственно, английское faction не ассоциируется с бранью и ссорой, не говоря уже о кознях, лжи, соблазне, гонениях, шуме [Словарь 1981: 11-14] или, как в образном поэтическом языке “Слова о полку Игореве”, с цепями — “И начаша князи про малое, се великое млвити, а сами на себе крамолы ковати”. Тем более данные ассоциации чужды исходному латинскому слову [7] с его смыслом “совершение”, понятным даже современным англичанам, а не только классически образованным современникам Мэдисона.

Первоначально синонимом факции в латыни, а затем и в некоторых новоевропейских языках было слово

parts (“часть”), точнее, его множественное число — partes (partes optimatum et popularium etc.). Однако с конца XVII столетия в английском постепенно начинается различие между партиями — антиномически сосуществующими в одной системе группами политического действия и фракциями — “эгоистическими” группировками, настаивающими на бескомпромиссном “выборе”. В современной политологии фракция как политический термин обозначает весьма конкретное явление — протопартию эпохи раннего Модерна или, реже, группу борцов за некое политическое дело в несовременных системах (Рим, европейское средневековье и т.п.) [8]. Думаю, что наши отечественные “партии” — и дореволюционные, и нынешние — следует скорее характеризовать как фракции: попытки создать общую антиномичную систему соперничества-сотрудничества пока остаются разрозненными, ограниченными и безуспешными. Каждая “партия” строит себя в одиночку, настаивает на своей “правде”, а всех прочих считает “крамольниками”.

В.А. и А.В.Кулинченко абсолютно правы, когда отмечают, что “крамолы”, а вернее, фракции преодолеваются, т.е. становятся партиями, при антиномичном сопряжении частного интереса, частного блага — с общим. Осуществить это помогает соединение всеобщего участия с концентрацией власти в ключевых центрах или, в терминах Дж.Мэдисона и его современников, республиканское правление. Любопытно, что на рубеже XVIII и XIX столетий республика и демократия четко противопоставлялись, прежде всего в США [9]. Лишь к середине XIX в. слово демократия обрело там популярность, чтобы затем вытеснить республику как название целого, а не одной из частей антиномии [подробнее см. Hanson 1985; Ильин 1997: 328-330]. История этого слова может отчасти прояснить проблему “курицы и яйца”: демократы ли создают демократию, или наоборот — демократия демократов? Несовременные и догматичные демократы своим напором, безусловно, способствовали утверждению демократической идентификации смешанного антиномичного правления (республики) и одновременно — дискредитации “чистой демократии”. Ну а современная антиномичная демократия породила демократов нового образца.

Что же позволяет антиномиям современности оставаться контролируемыми и “укрошенными”, что препятствует их перерастанию в революции и гражданские войны? Во-первых, компромисс, а во-вторых, его закрепление в праве. Напомню слова Н.Уэбстера: “Недопустимо никакое воздействие, которое не было бы санкционировано конституцией и законами”. Но откуда это право возьмется? И что это будет за право? Такие вопросы вполне резонно задают В.А. и А.В.Кулинченко. В самой общей форме ответ на них, видимо, должен звучать так: будут разные источники права (суверенное решение законодателя versus безусловность правовой традиции) и разные институциональные основы (независимое решение суда versus принуждение к исполнению закона государственной властью), сведенные воедино в виде антиномий. В качестве иллюстрации сошлюсь на известную антиномию верховенства права: если право превыше всего, то как оно может быть выше того, кто его утвердил в таком качестве? Разрешения данной антиномии нет и не может быть, как нет и не может быть разрешений антиномий Канта. Усвоение каждым народом, каждой общиной, корпорацией и семьей искусства быть современными и на этой основе решать свои жизненные проблемы глубоко индивидуально и неповторимо. Имитация современности, простое “обезьянничество” ни к чему хорошему не приведут [10]. Вместо копирования результатов модернизации следует усвоить способы их достижения, а точнее — адекватно понять проблемы, заставляющие такие способы искать. Поднимаемые Ю.А.Красиным вопросы замечательно служат этой цели. Нужно только смириться с тем, что ответы будут неокончательными и взаимоисключающими.

Применительно к российской ситуации данный императив прекрасно выразил И.К.Пантин: “Учет разнообразия — это сегодня ресурс преобразований. Он уменьшает напряженность и социальные затраты, создает богатую самостоятельную жизнь в интегрированном целом. Россия всегда была разной. Она и в будущем останется разной — различными мирами в общем российском мире. А это невозможно без всестороннего развития демократии, без создания и, главное, опробования новых институтов и новых стратегий. Новую Россию нельзя построить только силами демократически-либеральных элементов — буржуазии и либеральных слоев интеллигенции, не привлекая к решению этой задачи иные, оппозиционные нынешнему курсу, но массовые слои” [Пантин 2003: 148].

На этом данные заметки можно было бы и завершить. Однако остается еще один момент, затронутый В.А. и А.В.Кулинченко, который нельзя обойти вниманием. Речь идет о критике “самодовлеющего значения” изучения политической модернизации. Конечно, трудно не согласиться с тем, что модернизация “наряду с политическими, включает также глубокие экономические, социальные, культурные, духовные, идеологические, организационные, технологические, демографические и другие изменения”, которые в своей совокупности обеспечивают трансформацию отдельно взятого общества в общество современного типа [Кулинченко, Кулинченко 2003]. Но это не основание для того, чтобы при возникновении сложностей с

научным объяснением политических преобразований апеллировать к культурным или экономическим изменениям. Если в смежной отрасли нет на порядок лучше проработанных объяснений, то обратившийся к ней исследователь рискует помножить приблизительность своего знания на соседскую. В результате возникнет приблизительность в квадрате. Я уже не говорю о том, что сама процедура междисциплинарного “перемножения” требует отдельного научного решения. Без предварительной и тщательной внутрдисциплинарной работы и овладения приемами конвертации одних сторон действительности (и знаний о них) в другие любая попытка междисциплинарного синтеза неизбежно обернется “недодисциплинарностью” [подробнее см. Ильин 2001, 2002]. Так что придание “самодовлеющего значения” изучению политической модернизации представляется вполне оправданным — хотя бы в качестве подготовки почвы для будущих междисциплинарных синтезов.

А пока, возвращаясь к вынесенному в заголовок вопросу, рискну предположить: мы все сейчас являемся соучастниками растянувшегося “выбора” — в пользу того, чтобы сделать выбор постоянным и неокончательным, чтобы научиться принимать современный мир, в котором демократия, федерация, гражданское общество и прочие “ценности” сочетаются со своими альтернативами и образуют антиномичные единства.

Гуторов В.А. 2002. Изучение идеологий как фактор развития политического знания. — Принципы и практика политических исследований. М.

Ильин М.В. 1994а. От Иван-царевича до Владимира Вольфовича. Избиратель между мифом о судьбинном выборе и рациональным представительством интересов. — Русский дипломатический курьер, № 1.

Ильин М.В. 1994б. Декабрь 1993: избиратель между мифами и рациональным интересом. — Политические и социально-экономические проблемы России и СНГ. М.

Ильин М.В. 1994в. Миф выбора судьбы и его современные метаморфозы. — Россия и Запад: диалог культур. М.

Ильин М.В. 1995. Выбор России: миф, судьба, культура. — Via Regia, № 1-2.

Ильин М.В. 1997. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.

Ильин М.В. 1999. Война в Югославии: от жертвоприношения Сербии к самоубийству Запада? — Полис, № 2.

Ильин М.В. 2001. Испытания простотой. — Политическая Россия: предмет и методы изучения. М.

Ильин М.В. 2002. Отечественная политология между универсальностью и партикуляризмом. — Принципы и практика политических исследований. М.

Красин Ю.А. 2003. Политическое самоопределение России: проблемы выбора. — Полис, № 1.

Кулинченко В.А., Кулинченко А.В. 2003. О духовно-культурных основаниях модернизации России. — Полис, № 2.

Пантин И.К. 2003. Демократия в России: противоречия и проблемы. — Полис, № 1.

Руссо Ж.Ж. 1998. Об общественном договоре. Трактаты. М.

Саква Р. 1998. Конец эпохи революций: антиреволюционные революции 1989 — 1991 годов. — Полис, № 5.

Словарь русского языка XI — XVII вв. 1981. Вып. 8. М.

Чернышев А.Г. 2002. Российская политическая наука: формирование символов и мифов. — Принципы и практика политических исследований. М.

Dahl R. 1989. Democracy and its critics. New Haven.

Hanson R.L. 1985. *The Democratic Imagination in America. Conversations with our Past.* Princeton.

[1] Впрочем, Красин не столь категоричен, как Бердяев: “Нельзя сказать, что подобная амбивалентность свойственна только нашей стране. Она известна многим государствам, освобождающимся от наследия авторитаризма. Однако у нас противоречия между демократическими и авторитарными тенденциями проявляются гораздо острее, чем где бы то ни было” [Красин 2003: 125].

[2] В 15 главе третьей книги “Общественного договора” Ж.Ж.Руссо писал: “Понятие о Представителях принадлежит новым временам; оно досталось нам от феодального Правления, от этого вида Правления несправедливого и нелепого, при котором род человеческий пришел в упадок, а звание человека было опозорено” [Руссо 1998: 281].

[3] Когда И.К.Пантин отмечает, что “великие революции эпохи Модерна выдвигали новые проекты исторического развития, открывали... ‘новые коридоры возможностей’” [Пантин 2003: 140], он фактически указывает на тот фундаментальный поворот к существованию в условиях антиномий, который позволил преодолеть “закрывание коридора возможностей” в процессе революций и контрреволюций (реставраций) и достичь исторических компромиссов, вылившихся в заключение конституционных пактов. Так, в ходе Славной революции и Революционного установления 1688 — 1689 гг. Англии пришлось заново открывать многое из того, что было разрушено сначала гражданскими войнами 1640-х годов, а затем реставрацией 1660 г. Перед Францией “коридоры возможностей” открылись только при Третьей республике, после череды революций и контрреволюций.

[4] Справедливости ради отмечу, что лавры Бжезинского и иже с ним не дают спать многим отечественным политологам, с остервенением разоблачающим диктатуру глобализма, антропологическую революцию американизма и прочие идеологические фантомы.

[5] “Мы не можем дать рационально обоснованный ответ на вопрос, оправдана ли демократия, пока не сравним ее с альтернативами. Например, превосходит ли демократия систему попечительства типа той, которая представлена Платоном в книге “Политик”? Чтобы их сопоставить, нам нужно понимать и как идеал, и как возможную реальность не только демократию, но и альтернативу. Однако, осуществляя подобную процедуру, мы не должны сопоставлять идеальные (ideal), т.е. воображаемые, апельсины с действительными (actual), т.е. настоящими яблоками, ибо в противном случае мы получим лишь доказательство того, что действительные яблоки хуже идеальных апельсинов. Зачастую сравнения проводятся — эксплицитно или имплицитно — между идеальным функционированием одного режима и действительным функционированием другого” [Dahl 1989: 84]. К сожалению, сам Р.Даль не всегда последователен в соблюдении данного принципа.

[6] Словопонятие (или лексиконцепт) — термин, построенный по модели употреблявшегося Г.Фрегге сложного слова Wortbegriff и использующийся для обозначения смыслов слов в конкретных текстах и контекстах или понятий в их устойчивом словесном выражении, в отличие от собственно понятий (концептов), которые можно и нужно доводить до максимальной “чистоты” [подробнее см. Ильин 1997: 6-7, 19 и сл.].

[7] Слово factio образовано от глагола facio, facere — “делать, совершать” (как и слово factum — “нечто осуществленное на деле”, факт). Правда, одним из его вторичных значений является “мятеж”, но это значение несомненно перевешивается такими смыслами, как “деяние”, “правомочность, дееспособность”, “объединенная общей деятельностью группа”, “шайка разбойников” и, наконец, “приверженцы некоего общего политического дела”.

[8] В английском сохранилось еще одно значение термина faction — “парламентская фракция, объединенная общим делом группа, публично демонстрирующая ‘борьбу’, хотя и связанная принятыми в системе правилами”.

[9] Крупный американский политик и выдающийся лексикограф Н.Уэбстер (1758 — 1834), например, писал: “Под демократией понимается правление, при котором законодательная власть осуществляется непосредственно всеми гражданами, как в прежние времена в Афинах и Риме. В нашей стране эта власть

находится в руках не народа, а его представителей. Власть народа по существу ограничена непосредственным использованием права голоса. Отсюда ясное различие между формой правления у нас и в древних демократиях. Наша форма правления получила название республики или, точнее, представительной республики. Поэтому и слово демократ используется как синоним французского якобинца... Под республиканцами же мы понимаем друзей нашего представительного правления, которые полагают, что в государстве недопустимо никакое воздействие, которое не было бы санкционировано конституцией и законами” [цит. по Hanson 1985: 207-208].

[\[10\]](#) Вопреки тезису В.А. и А.В.Кулинченко замечу, что в политической науке (в отличие от идеологических упражнений доморощенных “политологов”) уже с 1960-х годов признано, что сведение модернизации к “простому заимствованию западных моделей политического развития” ошибочно и порочно по существу. Это подтверждают, в частности, многочисленные книги и статьи Н.Эйзенштадта, прежде всего его концепция “множественных современностей” (multiple modernities).